

Цикл Виталия Храмова

КАТАРСИС

Северная Башня

Старый Мамонт

Наследие

Виталий Храмов

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Х89

Серия «Попаданец»
Выпуск 45

Оформление обложки *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Х89 Храмов, Виталий Иванович

Катарсис: Наследие: роман / Виталий Храмов. —
Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ле-
нинград», 2018. — 480 с. — (Попаданец).

ISBN 978-5-17-109617-5

Старый Мамонт ушел, но оставил своим сподвижникам Наследие. Только объединившись и пройдя сквозь скверну и реки крови княжич Белый Хвост, наследник Ястреб и Марк-Сумрак смогут спасти Мир от безумия, посеянного Пауками и Змеями, и не стать игрушками богов.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-109617-5

© Виталий Храмов, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Всадник в черном плаще с белым крестом уныло пылил по дороге. Стража ворот уже привыкла к этим воинам с большими белыми крестами на темных одеждах. Они брали на себя негласный обет Милосердия, в расплату за свое излечение этими свихнувшимися бабами — Матерями Милосердия.

Пригрел же император змей на груди! Внес смуту в бесптолковые головы бабьего племени! Зачем было давать столько вольности женщине? Неразумно это! Зачем создавать отдельный орден для баб? Почему не сделать это же, но как орден Паладинов — только мужским? А теперь и остальные бабы что-то о себе возомнили, бухтят.

Хотя к крестоносцам у Стражи никаких нареканий не было. Одевший черный плащ с белым крестом становился добровольным и — бесплатным — помощником Стражи. Бродили от города к городу, помогали попавшим в беду, защищали слабых. До тех пор, пока воин сам не считал свой Долг Чести исполненным и не снимал плащ. Сколько ватаг лихих людей было порублено такими странниками, сколько людей они спасли от костяных лап Бродяг, от когтей и зубов Тварей!

Крестоносцев уважали. Вот и сейчас стражники освободила дорогу страннику. Только седой юноша не заметил их, погруженный в глубокие раздумья. Копыта его коня процокали по брускам моста перед подъемными воротами. Старший стражник покачал головой. У молодого воина еще борода не полезла, а уже седина побила волосы. Что же ему пришлось пережить?

А за воротами воина ждал мальчишка — посыльный.

— Гадкий Утенко? — спросил он, с трудом выговаривая незнакомые слова.

Юноша вздрогнул, посмотрел на посыльного.

— Можно и так сказать, — хрипло, от долгих дней молчания, сказал он.

— Вас ждут в Доме гильдии наемников, — гордо возвестил мальчишка, протягивая ладошку за монеткой.

Но воин в черном плаще проехал мимо, поморщившись. Мальчишка не расстроился. Крестоносцы редко бывают при деньгах. Их обет не приносит денег. Глава гильдии возна-

градит. Мальчишка взял коня всадника под уздцы и повел его по улицам города. А потом увел коня на конюшню, когда крестоносец зашел — со своей тощей перекидной сумой и странным глухим шлемом яйцевидной формы — в Дом наемников.

— Гадкий Утенок, — кашлянув, возвестил крестоносец.

Принимающая в зале Дома гильдии девушка кивнула и дернула за шнур, что висел за ее плечом. Где-то за стеной звякнул колокольчик. А Гадкий Утенок смотрел на Стену найма. Этим сразу выдал девушке то, что был наемником. Считывать Стену становится привычкой. Но интересно не столько само разглядывание Стены, а — как он смотрит и куда. У девушки глаз наметан.

— Пройдемте, — попросил воин с заколкой главы наемников на груди. Крестоносец прошел за ним.

В отдельной комнате глава стал доставать из сундука и складывать на стол свертки. Потом, спохватившись, спросил:

— Если не затруднит, не можете удостоверить свою принадлежность к Красной Звезде?

Крестоносец удивился, покопался в своих новомодных карманах, показал знак Красной Звезды. Да не простой — из крашеной бронзы, а рубины в золоте. Глава крыла гильдии удовлетворенно кивнул:

— Вас мы и ждали. Диспетчер Красной Звезды принял заказ, указал исполнителем именно Звезду Гадкого Утенка и оставил для вас вот это.

— Диспетчер? — удивился крестоносец. — Заказ? Моя Звезда?

— Да, заказ. Сопровождение Матерей Милосердия и их крестоносцев в земли Дома Лебедя. Вся ваша Звезда уже неделю вас ждет.

Крестоносец выругался на незнакомом языке, на ослабевших ногах прошел до стены и сполз на лавку. Глава наемников понимающе протянул свою флягу. Крест носили, принимая обет, только после очень тяжелых ран, когда за спасенную жизнь и берут на себя Долг Чести. Глава наемников решил, что крестоносец еще не совсем оправился от ран. Потому такой серый и худой. И в глазах — невыносимая боль и тоска.

Крестоносец стал распаковывать свертки, тут же укрепляя на себе оружие и амулеты. Когда он чуть вынул из ножен очень длинный меч, не только глава наемников, но и сам крестоносец присвистнул — изумрудную сталь глаз опыт-

ного бойца ни с чем не спутает. Еще главу наемников поразило, что доспех крестоносца, скрытый черной накидкой, был великолепен, но юноша оказался почти безоружен. Как он бродил от города к городу лишь с ржавым кинжалом? Зато теперь воин был увешан оружием на все случаи жизни.

Юноша вскрыл конверт, прочитал написанное, хмыкнул, небрежно смял пергамент, сунул в карман.

В зале юношу уже ждали — воин в таком же плаще крестоносца и Мать Милосердия. Девушка, принимающая в зале Дома гильдии, как раз принесла им медовухи.

Крестоносец склонил голову в жесте приветствия. Чеканность жеста показала всем безукоризненность манер этого юноши.

— Гадкий Утенок, — представился он.

Представились и его будущие спутники. Крестоносец назвал себя Сбитый Зуб, а женщина в белом плаще — Жалейкой.

Глава и его дочь, сегодня — принимающая в зале, переголывались. Уже много раз обсуждалась Малым Советом крыла гильдии странная манера вести дела у этой Красной Звезды. Эти люди впервые видят друг друга, но идут на дело уверенно. Наймом и денежными вопросами сами Звезды не занимаются. Этим занимаются другие люди, называющие себя диспетчерами. Но расценки Звезда ставит — ломовые. И им — платят. Потому что заказ — или будет выполнен, или Звезда погибнет. Но и в этом случае — заказ будет выполнен. Диспетчер пришлет две, три Звезды. Столько, сколько потребуется для выполнения заказа. И с наемниками, которых нанимает диспетчер, расплата всегда без обмана. С правом показывать при последующем найме крашеную бронзовую звездочку. Только оплата — не сразу, а через некоторое время. Это многих отпугивает. Но оплата — всегда. И — неплохая. Потому диспетчеры Красной Звезды не испытывают трудностей в найме. А наличие на руках даже крашеной звезды резко повышает стоимость оплаты услуг наемника. И свои десятки доли гильдии и властителям диспетчеры выплачивают всегда. С некоторой задержкой, но — всегда. А доля с их расценок — очень существенная.

Именно поэтому глава наемников не посчитал ущербом своей чести некоторые дополнительные услуги для Красной Звезды — поделиться сведениями, слухами, передать Звездам такие вот посылки, придержать «сладкий» заказ, лично встретить Звезд. Это еще и интересно. Звезды на себя надевают иной раз и очень любопытные личности. Вот и се-

годня глава наемников не пожалел потраченного времени — он лишь однажды видел изумрудную сталь. И то небольшой нож. А тут — огромный двуручный меч! Крестоносец повесил ножны с мечом на спину, рукоять торчала над плечом.

А остальные бойцы Звезд? Если не с крашеной звездой, а с настоящей, то — в знаменитых доспехах из крупных стальных пластин, обшитых тканью или кожей. С не менее легендарными шлемами, которые теперь так и называют — краснозвездные.

Звезда покинула Дом наемников.

— Послать соглядатая? — спросила главу его дочь.

— Упаси Триединый! Там у них — Разумник! Нам подозрения от Красных не нужны. Странный этот крестоносец. Заказ плевый — сопровождение. А такие силы! А его меч! Ты видела?

— А какой, папа, по-твоему, должен быть меч у Наследника? — пожала плечами дочь. — Ты не узнал его? Дважды похороненный Белый Хвост. Теперь — и правда — белый. А заказ не плевый. Не он сопровождает их, а они — его. Дочмой.

Глава наемников стиснул дочь в объятиях, расцеловал.

— Какая ты же умница у меня выросла! Беги в храм. Поставь свечу за их здоровье. Знал бы сразу...

— Что бы ты сделал? — насмешливо бросила девушка, выскальзывая из захвата рук отца, направляясь к дверям, заперла их, повернулась. — Если они рядятся в чужие личины, то лучшее, что ты можешь сделать, — забыть о наших догадках. Если не хочешь проснуться однажды с моей косой на подушке. Хорошо, если без моей головы, отделенной от тела.

Главу наемников передернуло.

— Я думаю, что это — слухи.

— Может быть. А может, и нет. Голова любимого коня на подушке быстро образумила Князя Липу. Даже если народ и врет. Но лучше верить в эти слухи. Судьба Охотников многих и многому научила. И нам бы поучиться у них.

— Так и быть! Открывай, давай сюда этот кувшин и лети в храм. Триединого забывать тоже не следует.

* * *

— Ну, здравствуй, Глаза и Уши, — впервые за последний месяц улыбнулся Белохвост.

— И тебе не кашлять, Хвост и Грива, — улыбнулся стройный, но невысокий юноша в хорошо сидящем костюме зеле-

но-коричневых тонов, в котором когда-то тщедушный забытый мальчишка Пятый угадывался с трудом.

— Чем обязан такой чести? — Белый придержал коня, уравнивая скорости движения.

На выходе из Дома наемников Белого ждал караван Матерей Милосердия в количестве тридцати семи молодых женщин и девушек, при двадцати трех воинах в накидках крестоносцев. Половина из них была ездоными на дюжине двуконных повозок. Матери шли в земли Дома Лебеда для организации Обители Милосердия — отделения ордена Милосердия на землях Лебеда. В повозках везли необходимое на первых порах имущество. Только шесть девушек путешествовали верхом. Остальные — не умели, ехали в повозках.

Позже Белый узнал, что среди женщин, которых народ, скопом, называл Матерями Милосердия, именно Матерью — была только одна. У них оказалась своя структура, своя пирамида иерархии. Мать Милосердия была как Настоятель Оплота у орденов — глава будущей Обители Милосердия. Дальше шли — Сестры. По старшинству чинов — Старшая Сестра, Сестра Боли, что заслужила право самостоятельно проводить сложные операции, просто — сестры. И — сиделки, что не носили красных крестов, да и одежды их были не белыми, а — серыми. Как послушники орденов — никто пока.

Старшим над воинами с белыми крестами на черных накидках был как раз Сбитый Зуб. Бывший когда-то властителем, разорившийся, изгнанный князем со своей должности. Зуб был отличным рубакой, но не очень хорошо умел вести хозяйство, потому поток жалоб на него и вызвал гнев князя. И Зуб опять занялся тем, что умел лучше всего — продавать свой меч. Десять лет в гильдии наемников покрыли его имя уважением, но не принесли ему достатка.

А три месяца назад Зуб чуть не отдал Триединому душу. Пустяковая стреляная рана загноилась. Жизнь покидала бывшего воина, и он знал об этом. Гнили ребра, по которым чиркнул грязный наконечник стрелы. И он пошел к Обители, упав в беспмятстве прямо около ворот Милосердия.

А когда открыл глаза, впервые в жизни влюбился. Как мальчишка. И страсть не оставляла его уже полгода. Он не снимает накидки крестоносца, хотя от болезни не осталось даже воспоминаний. Но беда в том, что полюбил он — Матерь Жалейку. И она ответила взаимностью. Уже полгода длится их едва скрываемая связь, которой не суждено завершиться свадьбой — Кодекс Милосердия запрещает Матерям связывать себя узами брака. Конечно, Жалейка могла и снять

с себя мантию Матери, но Долг — не позволяет. Этот Мир болен. И Зуб поддерживает ее. Согласен быть при ней тайным ухажером. Лишь бы — рядом. Лишь бы — вместе.

Зуб поджал губы. Третьего дня его заплаканная любовь призналась, что не праздна. Еще несколько месяцев — и ей придется сложить с себя обязанности Матери Милосердия. А тут Указ императора — Обитель в Княжестве Лебеда. И жребий пал именно на Жалейку. Ей предстояло не только пробраться через всю страну, тлеющую войнами и бунтами, но и построить обитель. Заменить Жалейку было некому. Не было в ее крыле никого даже с близким опытом и возможностями, с таким организаторским даром.

Выбор: выполнить требования Кодекса и уйти из Милосердия или выполнить требования Долга — построить и наладить Милосердие на землях Лебеда, после чего — позор нарушения Кодекса и рождения ребенка вне брака.

Вариант убить ребенка в чреве не рассматривался влюбленными в принципе. Оба они были уже не молоды. И это был, может быть, их единственный шанс стать родителями.

Вот такие тяжелые думы омрачали лица старших в походе. Видя это, крестоносцы и сестры тоже старались вести себя поскромнее. Ну, а когда во главе колонны встал седой юноша со страдальческим лицом, стало вовсе не до шуток. С истинным красноречивым лучше не шутить.

Когда колонна проходила мимо таверны, к Седому присоединились три мага — Разумник, Воздушник и Магистр земли. Молча, они выстроились позади Седого.

Привратная стража не только не задавала вопросов, а почтительно склонила головы перед их колонной, разгоняя с дороги прочих путников, которых было немного, — южные рубежи были беспокойны. Красную Звезду не столько уважали, сколько — боялись. Крестоносцев уважали. Матерей Милосердия уважали и на них злились — разом. Уважали за их Служение, злились за те мысли, что витали в головах жен и сестер стражей.

И вот когда башни города скрылись за холмом, на изгибе дороги их и встретил господин Брус Чан в идеально сидящем по фигуре костюме путника.

— Так чему я обязан видеть тебя в нашей компании, о, великий и ужасный Серый Кардинал? — опять спросил Белохвост.

Пятый довольно метко плюнул Белому прямо в глаз. И оба рассмеялись, обнявшись. Крепко, до хруста хрящей. Пятый сам, своим платком вытер лицо Белого:

— Нехватка людей, Утенок. Не может же Совет диспетчеров отпустить тебя на задание с неполной Звездой? — пожал плечами Брус.

— Чеси, чеси, я — слышу, — кивнул Белый.

— Я серьезно! Эти два щегла выгребли все! Пошли Оплот Пауков братъ. С твоим отцом.

Белый вскинулся.

— Тихо. Ты свою задачу выполнил. Тем, что выжил — перевыполнил, — Брус сжал руку Белого чуть ниже наплечника. — Пришло время приступить к основному заданию.

Белый усмехнулся, достал из кармана смятый пергамент.

— «Делай, что должен, и будет тебе салом по губам», — прочитал он. — Я сразу понял, что тут кто-то из *наших*.

Но слова эти опечалили Бруса:

— Стариков — жаль. Без них — сложно будет.

— А остальные? — спросил Белый, трогая коня. Колонна уже догоняла их. Разговор будут слышать. А это ни к чему. «Многие знания — большие печали», — говорил Старик.

— Разлетелись кто куда, — вздохнул Брус, поправляя ремень своего самострела.

— Вижу — Сумрак выжил. Этот самострел был у Рекса на руках, — кивнул Белый на оружие Бруса.

— Выжил. Только спецболт, теперь — один. Сумрак общил нам, что ты жив. Отдал все ваши вещи. И ушел. На нем лица не было. Спешил. Боялся, что Щегол его поймает. Говорят — он убил Старика. Веришь?

Белый пожал плечами:

— И пришел бы к тебе, отдав самострел. Ага! Обычно именно так подлецы и поступают. А если ты еще и Клинок Вздоха мне отдашь — совсем поверю.

— Горьким корнем хрена тебе по губам! Вздох Дракона — у Дракона. А тебе и так — изумрудную ковырялку выдвали. Хватит с тебя!

— Мне-то не ври! Жмот! Мойша! Так я и поверил, что Марк явился к Ястребу. Ага! А у тебя портала нет. Гони клинок! Как Ястреба увижу — верну. А сейчас нам нужнее. И я им владею лучше. Сам себе голову отсечешь, не почуешь.

Вздохнув, Брус протянул руку, скрытую плащом. Обратным хватом он держал рукоять Клинка Вздоха Дракона. Так же скрытно Белый принял клинок и запихнул его в сапог, прикрывая это действие плащом.

— Белый? — тихо спросил Брус. — Старики точно... того...? Или — как ты? Для всех — того, но на самом деле...

— Олег, точно. Половину его тела съело Дыхание Смерти. Тут никакой корень жизни — не поможет. Деду — только руку. Потом меня накрыло. Очнулся — сижу на этом коне на дороге, скверна пойми где. Определился по светилу и пошел на юг. Вот и все. Не знаю даже, кто меня спас! Как? Где я был все это время?

— Тебя Марк вытащил и отнес в Некрополис. Наверное, Некромант тебя спас. Отрастил тебе руки и ноги.

— Некромант лечит? Не со мной бы было — не поверил, — вздохнул Белый.

— Да. Он же нам сказал, где тебя ждать.

— Долго же вы собирались.

— Легко сказать! А ты попробуй в том кипящем котле, в который превратился Мир, найти бледного юношу со взором горящим! — горячился Брус. — И этот, Кашей клятый, только намеками и разговаривает. Нет, чтобы пальцем на карте указать!

Белый смеется. Тут же скрючивается от боли. Брус с сочувствием смотрит — ему было понятно, какой из Некроманта лекарь. Седой юноша восстановил дыхание, поехали дальше.

— А остальные? Ты сказал — разлетелись, — спросил Белохвост.

— Молота из кузни не вытащишь. Если бы борода не сгорала, был бы, как Одичалый. Старик его даже выпорол за неряшливость — все не в науку. Марк сквозанул — только пятки сверкнули. И даже не намекнул — куда. Может, сам не знает. Зверюга наш и наш Господин пошли Пауков воевать. И Лонес — с ними. Присмотрит за этими шалопаями.

Белохвост покосился на Бруса. Усы еще не растут, а старших «шалопаями» называет. Как же они плотно перешли на словечки Деда! Опять спазм в груди от воспоминаний и утраты...

— Да и мы с тобой, — продолжал Брус. — Вот и все *наши*. Зверь потом поведет наемников на Ярикрав. Там и сгинет. Дурень! А Ястреб решил завершить Урок.

— Это тот, с «навозом»? — усмехнулся Белый.

— Тот самый. Так что год о нем нельзя даже вспоминать. Дед не засчитает.

— Дед не засчитает... — криво усмехнулся Белохвост. — Но ты мне зубы не заговаривай. Ты, «Совет диспетчеров», давай, колись, что за плюшки у нас разбросаны на пути?

Теперь Брус косится. Вздыхает:

— Много непонятного. Ну, не могу я допустить прямого срыва конкретного указания Обретенного. Он сказал — ты, Гаденыш...

— Ща, как заболит у тебя ухо, шея и обе руки! — прошипел Белохвост.

— Да ладно, чё ты? — пожал плечами Брус. — Так вот, ты должен принять Дом Лебеда и сделать его образцовым.

— Не слышал про «образцовый»? — качает головой Белый.

— А накер тогда затеваться? — так же пожал плечами Брус.

— И поэтому ты сам, лично, оставив весь «Совет диспетчеров», припылил...

— А что столько издевки в твоих словах? Думаешь, Пауки кончились? Ничего не закончилось! Все только начинается. А вдруг — это не единственный их оплот? А? А что, кроме этих тварей, больше некому обидеть беззащитных сироток?

— Сиротки — это Красная Звезда? — усмехнулся Белый.

— Вот! Видишь — работает! Все думают, Красная Звезда — великая и могучая. А если голову включить? Ну, как там Старик говорил, а? Работаем! Урок! Подсказываю: и на вольных владык — всё одна Красная Звезда.

— Да? — Лицо Белого посмурнело. Он покачал головой.

— Заценил? — спрашивает Пятый, с которого сползла маска важного господина, и он стал тем, кем и являлся, — мальчишкой безусым.

— Заценил. Ты — молодец. Возьми с полки пирожок.

— Там два, — кивнул Брус. — Крайний — Деда. Всё, сворачиваем. Там хороший распадок. Там моих «артистов» пождем.

— Ты и их подтянул?

— А как же! Между этим местом и Домом Лебеда — сплошная непроходимость. Даже мои «птахи» не пролетают. И что там происходит — сплошная «непонятка». Понятно, что ничего не понятно. Уже три группы моих «птах» пропали. Как я тебя одного отпущу?

— Мышь своих соглядатаев называл «мышками». А ты — «птахами».

— Ну, у нас все — крылатые. Лебеди, утята, соколы. Ящерицы, и те — крылатые. Да и старики — какая-то крылатая пехота. Видел их знаки на телах? Вот! Кстати, про Лебедей — Престол нам отсыпал пряников, чтобы мы пронюха-

ли, что там, впереди, происходит. Ну, и тебя заодно доведем. Или — ты нас. Вот, Матерей прихватили. Открою тебе тайну: они — тоже творение Старого.

— Да ты что? — воскликнул Белый. — Правда, удивил.

— Мы тогда немного обнищали, нанялись к этому оленю... Блин! Так ты же там, с другой стороны, был! Уел меня! Уел, седая твоя башка!

И они оба рассмеялись.

Колонна повозок заворачивала в распадок двух крутых холмов, на которых через сухую корку глины прорывались, как клыки, известняковые продолговатые глыбы. Этот распадок так и назывался — Челюсть Великана. А в распадке было безветренно, тихо и тек ручей с почти пресной водой. Почва в распадке не застывала коркой в ладонь толщиной, как в Пустошах. Жизнь в этом месте пойдет именно отсюда.

Белый покопался в своих вещах. Нашел мешочек с семенами, что передал ему, среди прочего, глава наемников. И Белый, как и Старик, посадил семена, которые шли по весу золота, вдоль лужи-озерца, что натекал из ключа. Матерь Жалейка благословила посаженные Белым семена. Отметили место, воткнув в землю заготовки древки стрел.

Крестоносцы быстро и привычно ставили повозки коробкой, растягивали навесы, разводили огонь под медными котлами.

Белый втянул воздух носом, полез по осыпающейся круче наверх, туда, где среди белых клыков застыл невысокий, стройный юноша, на самом деле — мальчик, взваливший на свои плечи неподъемный груз.

Брус кивнул Белому, смотря на раскинувшиеся перед ними Пустоши.

— Я тоже боюсь, что не справлюсь. Что подведу их — отца, стариков, — сказал Белый.

— Они тебя взяли с собой. Не меня, — буркнул Пятый, махнув рукой.

Порывы дикого ветра Пустошей гоняли пыль, завихрениями. Далеко — на пределе видимости — кружила птица над кучкой Бродяг. Кому-то сегодня не повезло. Их жизненные силы, кровь и плоть стали добычей нежити. И — падальщиков.

Они стояли рядом и просто молчали. Потому что все, что можно было сказать, они и так знали. Просто, молча, вели каждый свой разговор с уже ушедшими. Пока их не позвали на ужин.

* * *

С кучей бродячих артистов дорога короче. Оттого что — веселее.

Безумные одежды, подчеркнута безвкусно-яркие, подчеркнута безвкусно — до смешного — скроенные. Аляпистые, пестрые. Но артисты — жизнерадостные, веселые, смешливые, певучие — разогнали тоску колонны. Улыбался Зуб, смеялась Матерь Милосердия над ужимками акробатов, ухмылялся даже их седой командир.

Хотя ему стало еще тяжелее с присоединением к их отряду этого балагана. Потому как старшим во всем этом веселом безумии был акробат Корень, а с ним прибыла его сестра — Синеглазка. А с ней — боль первых чувств Белохвоста.

Она училась у Ольги, Белохвост лечился. Она понравилась ему, он — ей. Первая любовь. Первый кипятик по венам, первые томные взгляды, первые вздохи томимого сердца. Первые — робкие — объятия. Первые — невыносимо сладкие — поцелуи.

Нет, Белый не был мальчиком. Но то, как он стал мужчиной, казалось, навсегда сделает из него женоненавистника. И вот — он плывет под синим пламенем ее глаз. Его пьянит запах ее волос.

Все закончилось очень больно. Они, как им казалось, украдкой, уединились на сеновале. Волосы Синеглазки — на лице Белого. Ее горячее дыхание и стоны обжигали.

Корень, ворвавшись на сеновал, сдернул Синьку, как ее называли братья, с Белого, очень крепко припечатал своим твердым, как корень дуба, кулаком — в глаз Белому, поволок ее, растрепанную, в порванном в порыве страсти платье, на выход, где они вдвоем — Корень с Ольгой — стали кричать на Синьку, но так, чтобы слышал и Белый:

— Ты разве не знаешь, кто он? Княжич! Наследник! А кто ты? Забыла? Соплячка! Ты себе чего понапридумывала? Любовь? Какая любовь? Он — сам себе не хозяин! Он — раб своего Дома! Интересам Дома надо будет, чтобы он соединился с какой-нибудь гримзой из Темных Владычеств, старой и страшной, — и он это сделает! Будет строгать птенцов десятками — только бы не было войны! Кто ты будешь? Кем? Любовь? Даже если он любит тебя — он откажется от своего Долга? Кто он тогда будет? Какой судьбы вы хотите друг другу?

Эти слова, как раскаленные гвозди, вбивались в голову Белого. Больше они не виделись. Корень очень строго следил, чтобы даже взгляды влюбленных не пересекались.